

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР М.Ю. ЛЕРМОНТОВА. (El mundo poético de M. Yu. Lermontov)

Э.С. Хидирова

Дагестанский государственный университет (Россия)

E. S. Jidirova

Universidad Estatal de Daguestán (Rusia)

ISSN: 1698-322X

Cuadernos de Rusística Española N° 6 (2010), 157-162

RESUMEN

El artículo trata del mundo poético de M. Y. Lermontov, de los temas dominantes, de motivos, y imágenes de su poesía, de idiosincrasia de su estructura artística. Especialmente subrayado que él es un poeta con un mensaje artístico fulgurante muy romántico, que logró encontrar una «clave universal» de la influencia artística, de la sumergencia de los lectores en el mundo especial del autor, dejar «ajitación y temblor» en el alma de cada uno.

Palabras clave: la imagen artística, Cáucaso, extraversión, libertad, sensibilidad.

РЕЗЮМЕ

В статье говорится о поэтическом мире М.Ю. Лермонтова, о доминирующих темах, мотивах и образах его поэзии, о своеобразии художественной структуры. Особо подчеркнута, что он – поэт с ярко выраженным романтическим типом мышления, который смог найти универсальный «код» художественного воздействия, погрузить читателей в особый «авторский мир», оставить в душе каждого «волнение и трепет».

Ключевые слова: художественный образ, на Кавказе, экстраверсия, свобода, чувствительность.

Лермонтов... Услышав его имя, каждый откликнется благодарно и восхищенно. Само присутствие его имени в культуре стало ощутимо, что самые «отдаленные области» поэтического мира чувствуют на себе несомненное влияние его творчества. Строгий Белинский уже сказал, что «это будет русский поэт с Ивана Великого»!

«Через всю жизнь проносим мы в душе образ этого человека – грустного, строгого, немного властного, скромного, смелого, благородного, язвительного, мечтательного, насмешливого, застенчивого, наделенного могучими страстями, волей и пронизательным беспощадным умом»¹. Это краткое, но очень точное и емкое высказывание о поэте раскрывает тайну его личности, поражающую всех монолитную цельность противоречивой природы Лермонтова, обуславливающую характерные особенности его мировосприятия, творческого мышления, художественного метода, своеобразие содержания и формы его произведений.

Если исходить из того, что «в искусстве имеют место два типа художественного мышления: реалистический, объективный в своей основе, и романтический,

1. Андроников И.Л. Избранные произведения. – М., 1975. – Т.2. – С. 235.

субъективный в своем существе»², то, несомненно, М.Ю. Лермонтов – поэт с ярко выраженным романтическим типом художественного мышления. И именно этим, скорее, объясняется близость лермонтовского мировосприятия к таким художникам, как Байрон, Врубель, Блок... «Определяющим признаком романтизма Лермонтова становится напряженный психологизм – подлинное открытие лермонтовского романтизма».³

Острый психологизм, одиночество, тоска – главные мотивы лирики Лермонтова, неосходно романтические в своей основе. Думается, он продолжил тему сиротства человеческой души, начатую А.И. Полежаевым. Среди отличительных свойств поэзии Лермонтова – способность непосредственного выражения желаемого, задуманного, «подступившего к устам» чувства, мысли, ощущения. Его поэзия питается сознанием вечной неполноты сущего, земного, находящегося по эту сторону бытия, малозначительностью всякой предметности и осмысленности («Кто близ небес, тот не сражен земным...»). Его романтическое двоемирие довольно часто порождает романтическое отрицание существующего «наличного бытия» (Гегель).

Немало исследований задумывалось над тем, что значит для Лермонтова Кавказ. Почему так страстно тянулась его душа в этот край? Только ли потому, что он испытывал особые симпатии к вольнолюбивому народу, или потому, что компас романтизма указывал на Кавказ? Для поэта Кавказ – не только экзотическая окраина России, а нечто большее: место восхищения, поклонения Духу свободы, идеал возвышенной жизни.

Как мы знаем, притягательная сила этого неповторимого, удивительного края воздействовала на многих романтиков, будоражила умы и души историков, этнографов, для которых Кавказ был уникальным миром человеческого опыта. Это непреодолимое притяжение смогло создать образ Кавказа как прародителя прометеевского духа человечества. Во все времена легенда о Прометее привлекала внимание поэтов (начиная с Эсхила – «Прометей Прикованный»). Видно, Кавказские горы впитали в себя гордый прометеевский дух сопротивления, неповиновения. Это влекло, волновало всех известных писателей XIX века (три «Кавказских пленника» - А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого!). В русской культуре символика Кавказа тесно связана с образом Прометеев - с одной стороны, исторически первого «кавказского пленника», а с другой - своенравного противника Зевса, «защитника прав и свобод человека» (Л.В. Витковская).

Анализ произведений, где Лермонтов обращается к Кавказу, несомненно, требует учета той картины мира, особой пространственной модели мировосприятия, которая конструировалась в сознании поэта еще в детские годы (причем географическое представление Кавказа не отделялось от этнического, морально-религиозного). В его поэзии слышится едва уловимое противопоставление двух ментальностей. Он желает скрыться «за стеной Кавказа», оставив лживое, лицемерное общество. Способность петь связывается у поэта со свободой, «дарованной небом», ощущение воли – с пребыванием на Кавказе:

2. Гуляев Н.А. О соотношении понятий «художественное мышление», «художественный метод», «стиль» // Уч. Записки Казанского ун-та. – Т.128. – Кн.4. – Вып.11. – 1969. – С. 5.

3. Григорян К.Н. Судьбы романтизма в русской литературе // Русский романтизм / Под ред. К.Н. Григоряна – Л., 1978. – С. 14.

*В пространстве голубых долин,
Как ветер, волен и один...
(«Люблю я цепи синих гор...»)*

Лермонтов воспел Кавказ «как сладкую песню отчизны» своей. Рисуя горцев, он невольно дает характеристику героям своей национальной среды. Считая светское общество, свое окружение миром преступлений, «приличьем окрашенный порок», всей своей жизнью Лермонтов пытается противопоставить себя «свету» (ср.: «Вяземский требовал, чтоб поэт был светским человеком, свет – «свой мир» для В. Соллогуба»⁴). Он ищет положительный идеал вне «света», чаще в иноэтнической среде. Для него «горный край» - своеобразный Эдем, где единственное божество – Свобода:

*Аллах ли там среди пустыни
Застывших волн воздвиг твердыни,
Притоны ангелам своим...
(«Вид гор из степей Козлова»)*

Не стремясь к гармоничному сосуществованию у себя на родине, поэт весь устремлен на Кавказ. Порой он вынужден жить в России, но душа его там, где «свободные горы». Состояние «между» характерно и его поэзии. Наверное, потому один из значительных поэтических образов – Демон – между Небом и Землей, Ангелом и Дьяволом, платоническим и чувственным. Это состояние присуще его героям в большей степени, чем другим литературным персонажам первой половины XIX в. «Черно-белое» до крайности обострено в его героях. В душах кипят страсти, борются два противоположных начала. В его поэзии внешний мир противопоставлен миру души. Может, «демонизм» (своеобразная связь Земли и Космоса) есть ступенька к высшей гармонии?

Поэмы «Каллы», «Хаджи Абрек», «Аул Бастунжи», «Измаил-Бей», «Беглец», «Мицыри», «Демон» свое «кульминационное завершение» (Ю.И. Айхенвальд) получили именно на Кавказе. «Космос» Лермонтова необъятен: «из глубины сердечной восходит до звездных глубин». Думается, потому, что русский разум «всосал с молоком матери открытость, всевосприимчивость, распахнутость, незавершенность, поисковость, отсутствие начал и концов»⁵. Это состояние «открытости и всевосприимчивости» стало для Лермонтова своеобразной духовной монадой. Его пытливый ум летит за пределы обыденного – на Кавказ, где люди живут на вершинах гор «по-птичьи, небо и вьсь чуя и легко ею дыша». Здесь обилие воздуха, здесь царствует Свобода; и воздух «чист и свеж, как поцелуй ребенка» («Герой нашего времени»). «Я находился в непрерывном странствии, - пишет он Раевскому. – Одетый по-черкесски, с ружьем за плечами, ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов.... Для меня горный воздух – бальзам: хандра к черту, сердце бьется, грудь высоко дышит, ничего не надо в эту минуту».

4. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – С.-Петербург, 1996. – С. 535.

5. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. - М., 1988. – С. 182.

Любовь к природе у Лермонтова безмерна. Описания картин природы очаровывают. В его поэзии – обилие аллегорических образов тучек, облаков, сосен, утесов... «Неземная любовь к земле – особенность Лермонтова, едва ли не единственная во всемирной поэзии», - пишет Д.С. Мережковский в статье «Лермонтов – поэт сверхчеловечества»⁶.

Мцыри восклицает:

*... за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял.*

Лермонтов славит природу, исповедует его культ. Природа представлена как царство добра, мир воли. Через восприятие лермонтовских героев показано все величие кавказской природы. Глазами Мцыри читатель видит «горные хребты, причудливые, как мечты». Грозные скалы и вольные люди Кавказа для поэта – это цельный мир, предмет его «одной заветной властной думы».

Издrevле земля противопоставлялась небу как место временного пребывания человека в «греховном» мире идеалу вечной, возвышенной жизни. Как бы ни любил Лермонтов землю, он чувствует порой сильное небесное притяжение: «Нет женского взора, которого я не забыл при виде голубого неба!» - восклицает он. Небо – счастливое состояние бесконечной свободы, оно символизирует чистоту, «причастность к высшим ценностям»⁷. Может, поэтому мир поэзии Лермонтова так пространствен, а небесный мотив – настойчив:

*В то утро был небесный свод
Так чист...
... я в нем глазами и душой
Тонул.*

(«Мцыри»)

*Чисто вечернее небо,
Ясны далекие звезды,
Ясны, как счастье ребенка.*
(«Небо и звезды»)

Поэт знает, что между земным и небесным – вечность, но он стремится к нему: мечта так же бескорыстна, как и его поэзия. Он рад тому, что небо – есть: без мечты его жизнь теряет смысл.

Образы неба и Кавказа как символы желанной свободы в медитациях Лермонтова предельно сближены:

6. Мережковский Д.С. Избранное.- Кишинев, 1985. – С. 509.

7. Лотман Ю.М. Указ. соч. – С. 540.

Синие горы Кавказа... вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе...

(«Синие горы Кавказа, приветствую вас!»)

Как сам поэт, так и его герои находятся в состоянии душевного полета. Говорят, полет – искусство радости, но в творчестве Лермонтова полет, небо, да и весь «космос» пронизаны всеобъемлющей грустью. Демон – летающая людская грусть о том, что никогда не сбудется. «Он был поэтом грусти в полном художественном смысле этого слова: он создал грусть как поэтическое настроение...»⁸, - писал В.О. Ключевский. Грусть – «господствующая» нота его поэзии:

Никто не хочет грусть делить.
Один я здесь, как царь воздушный...
(«Одиночество»)

Природа как живая материя, как нечто одушевленное немислима для Лермонтова без звуков – ее языка. Не гомоном птиц она полна, а небесными звуками. Он одинок и потому ищет родную душу везде: за пределами родной земли, в «небесной дали». Он ощущал себя частицей неба, поэтому порой «песни земли казались ему скучны». Глубоко восприимчивый к звукам небес, он пишет:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь
блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездой говорит.
(«Выхожу один я на дорогу...»)

Если поэт и слышал, как «звезда с звездой говорит», то слышал непременно на Кавказе: горные вершины приближали его к звездам. И то, что нашептывали звезды, душа не забудет, «ибо звуки бессмертны, и, если хоть однажды огласят они землю своей небесной гармонией, уже не потонут в жизненном шуме...»⁹. В стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» поэт описывает ночь на склоне Кавказских гор. Мир в нем характеризуется единением: небо здесь своеобразное продолжение земли, ее неразлучная суть. Туман соединяет их на горизонте, где они встречаются «поцелуем». В своем последнем творении поэт чувствует себя частью всего живого и пытается приобщиться к гармоничному миру...

Все услышанное на Кавказе, в Дагестане – «звуки природы», «голос чужого народа» - камертоном отозвалось в душе Лермонтова. Поэту удалось передать и синеву ясного неба, и белоснежность горных вершин, и блеск родниковой воды. Художественные образы словно подсмотрены у самой природы; но все это не просто созерцательно-отображенное, не просто увиденное и услышанное, а рожденное, прежде всего в сердце и из сердца извлеченное. Вероятно, лишь человек,

8. Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990. – С. 434.

9. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. В 2-х т. – М., 1998. – Т.1. – С. 87.

любящий природу и уважающий традиции кавказских народов, мог создать столько произведений на кавказские темы, почти всегда связывая их с горскими легендами, преданиями, песнями. Все это не только не нарушает общую тональность его произведений, а наполняет еще большей внутренней энергетикой, смысловой и «силовой» загруженностью.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АЙХЕНВАЛЬД, Ю.И. (1998): Силуэты русских писателей. В 2-х т. Терра. Москва.
- АНДРОНИКОВ, И.Л. (1975): Избранное. Советский писатель. Москва.
- ГАЧЕВ, Г.Д. (1988): Национальные образы мира. Наука. Москва.
- ГРИГОРЯН, К.Н. (1978): " Судьбы романтизма в русской литературе". В кн.: РУССКИЙ РОМАНТИЗМ, Наука. Ленинградское отделение. Ленинград.
- ГУЛЯЕВ, Н.А. (1969): " О соотношении понятий «художественное мышление», «художественный метод», «стиль»". В кн.: Учёные Записки Казанского ун-та. Казань.
- КЛЮЧЕВСКИЙ, В.О. (1990): Исторические портреты. Правда. Москва.
- ЛОТМАН, Ю.М. (1996): О поэтах и поэзии. Искусство-СПБ. С.-Петербург.
- МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д.С. (1985): Избранное. Школа-Пресс. Кишинев.